

СТАТЬ БЕССТРАСТНО НАД КРАСНЫМИ И БЕЛЫМИ

Рос. вестн. - 1935. - 30 марта

пытался великий русский писатель Михаил Булгаков

В ноябре 1919 г. в фельетоне «Грядущие перспективы» Булгаков, уже сознавая обозначившийся тогда близкий крах белого движения, на будущее России смотрел довольно мрачно: «Там, на Западе, будут сверкать бесчисленные электрические огни, летчики будут сверлить покоренный воздух, там будут строить, исследовать, печатать, учиться...», а в России «только тогда, когда будет уже очень поздно, мы вновь начнем кой-что созидать, чтобы стать полноправными, чтобы нас впустили опять в версальские залы.

Кто увидит эти светлые дни? Мы?

О нет! Наши дети, быть может, а быть может, и внуки, ибо размах истории широк и десятилетия она так же легко «читает», как и отдельные годы.

И мы, представители неудачливого поколения, умирая еще в чине жалких банкротов, вынуждены будем сказать нашим детям:

- Платите, платите честно и вечно помните социальную революцию!»

В дальнейшем Булгакову лишь однажды пришлось заявить открыто о своих политических позициях, причем в весьма специфическом документе - в знаменитом Письме Правительству от 28 марта 1930 г. Обо всем опальный писатель здесь, конечно, сказать не мог. Тем не

менее у него достало гражданского мужества заявить о том, что одна из черт его творчества - это «глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противопоставление ему излюбленной и Великой Эволюции, а самое главное - изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызывали глубочайшие страдания моего учителя М.Е.Салтыкова-Щедрина». Здесь же Булгаков упомянул о своих усилиях «СТАТЬ БЕССТРАСТНО НАД КРАСНЫМИ И БЕЛЫМИ», что не помешало советской прессе заклеить его белогвардейцем. На самом деле такая позиция писателя объективно означала суд прежде всего над красными, ибо белых давно уже не было в СССР.

Открытая критика революции и социализма в СССР в условиях цензуры была немислима, поэтому рассуждения о судьбе России в булгаковских произведениях были скрытыми и выливались в аллюзии на известные в близких к Булгакову кругах интеллигенции тексты русских философов-эмигрантов. В поле зрения Булгакова попали статьи сборника «Из глубины», подготовленного в 1918-м, изданного в 1921-м и почти полностью конфискованного (впрочем, ранее все статьи сборника публиковались в

периодике). Внимание писателя, несомненно, привлекла здесь статья его однофамильца, а, возможно, и дальнего родственника философа С.Н.Булгакова «На пиру богов», впервые вышедшая отдельным изданием в Киеве в 1918 г. Здесь мы находим следующий рассказ: «Перед самым октябрьским переворотом мне пришлось слышать признание одного близкого мне человека. Он рассказывал с величайшим волнением и умилением, как у него во время горячей молитвы перед явленным образом Богородицы на сердце вдруг совершенно явственно прозвучало: Россия спасена. Как, что, почему? Он не знает, но изменить этой минуте, усомниться в ней значило бы для него позабыть самое заветное и достоверное. Вот и выходит, если только не сочинил мой приятель, что бояться за Россию в последнем и единственно важном, окончательном смысле нам не следует, ибо Россия спасена - Богородичною силою. И об этом, поверьте, твердо знает вся православная Россия». Именно этот эпизод отразился в написанном в 1922 - 1924 гг. романе «Белая гвардия» в эпизоде молитвы Елены перед иконой Богородицы за спасение умирающего от возникшего после ранения тифа брата Алексея, причем «безумные ее глаза разглядели, что губы на лице, окаймленном

золотой косынкой, расклеились, а глаза стали такие невиданные, что страх и пьяная радость разорвали ей сердце» (то есть произошло явление Богородицы молящейся). Молитва Елены возымела действие: Алексей выздоровел, и это как бы символизирует ту надежду на конечное возрождение России, которую выражает С.Н.Булгаков в сборнике «Из глубины».

И еще с одной статьей этого сборника скорее всего был знаком Михаил Булгаков. Это работа Н.А.Бердяева «Духи русской революции», где философ утверждал: «По-прежнему Чичиков ездит по русской земле и торгует мертвыми душами. Но ездит он не медленно в кибитке, а мчится в курьерских поездах и повсюду рассылает телеграммы. Та же стихия действует в новом темпе. Революционные Чичиковы скупают и перепродают несуществующие богатства, они оперируют с фикциями, а не реальностями, они превращают в фикцию всю хозяйственно-экономическую жизнь России. Многие декреты революционной власти совершенно гоголевские по своей природе и в огромной массе обывателей они встречают гоголевское к себе отношение. В стихии революции обнаруживается колоссальное мошенничество, бесчестность, как болезнь русской души. Вся рево-



люция наша представляет собой бессовестный торг, - торг народной душой и народным достоянием». В 1922 г. в фельетоне «Приключения Чичикова» Булгаков перенес гоголевских героев в послереволюционную Москву, где в революционной стихии они чувствуют себя как рыба в воде, иллюстрируя бердяевскую мысль о призрачности, мнимости, фиктивности бытия в революционную эпоху, о том, что «все хари и рожи гоголевской эпопеи появились на фоне омертвения русских душ».

Бердяев считал: «Обнажается и разоблачается природа социализма, выявляются его последние пределы, обнажается и разоблачается, что безрелигиозности, религиозной нейтральности не существует, что религии живого Бога противоположна лишь религия дьявола, что религия Христа противоположна

лишь религии антихриста. Нейтральное гуманистическое царство, которое хотело устроиться в срединной сфере между небом и адом, разлагается, и обнаруживается верхняя и нижняя бездна». В «Мастере и Маргарите» современный мир оказывается лишь жалкой пародией мира Иешуа и мира Воланда. Философ считал: «Чтобы понять смысл русской революции, мы должны перейти от астрономии новой истории к астрологии средневековья». В «Мастере и Маргарите» Воланд предсказывает гибель Берлиоза в полном соответствии с каноном астрологии, а сама эта гибель главы литераторов коммунистического толка, которому голову отрезало трамваем, - это иронический символ той «трагедии русского большевизма», о которой писал Бердяев.

Борис СОКОЛОВ.